

Июль в Ингао был наполнен знойным летним жаром. С тех пор, как было заключено перемирие с наманьцами, прошло уже почти полгода, но обещанного полугодового визита с подношением до сих пор не было видно. В зале для аудиенций по этому поводу разгорелись жаркие споры. Сейчас, когда наманьцы больше не нападали, сторонники мира во главе с Яо Чжаном только и делали, что восхваляли заслуги князя Ляна, а всё остальное, казалось, могло подождать.

Здоровье императора Чжэньюаня становилось всё хуже, и он не хотел слушать их споры. Наследный принц уже взял на себя большую часть государственных дел, и император с удовольствием уединился.

В самый жаркий полдень главный евнух привёл людей, чтобы заменить лёд в покоях императора. Когда все слуги удалились, евнух налил ему чаю и тихо сказал:

— Ваше Величество, прошло уже полгода, а тот ребёнок всё ещё живёт в Лянгунь. Ваше Величество намерены оставить ему жизнь?

Император Чжэньюань устремил взгляд на чашку с чаем и ответил:

— Мы не видим причин, по которым его нужно убивать. Вражда между отцами не должна падать на детей. Десять лет назад ему было всего семь лет. Что он мог понять?

Потом император взглянул на евнуха и, махнув рукой в сторону, добавил:

— Цижунь до сих пор часто посещает «Цяньлицзуй». Мы не хотим огорчать его.

Евнух склонился и сказал:

— Возможно, четвёртый принц просто ощутил новизну, попробовал что-то сладкое, а потом это резко оборвалось, поэтому он и не может забыть. В конце концов, это просто из-за отсутствия новых людей рядом. Ваше Величество не стоит так беспокоиться.

Император вздохнул:

— Когда супруга Цзин была жива, он не был таким. В детстве Цижунь был похож на свою мать, но чем старше он становился, тем меньше Мы понимали, на кого он похож... Всё, что он хочет, Мы готовы ему дать. Это своего рода компенсация за супругу Цзин. Мы не смогли защитить Тугуси для неё, не смогли защитить её саму. Мы чувствуем себя виноватыми перед ней.

Евнух поспешил утешить его:

— Четвёртый принц действительно много страдал в то время, и здоровье его было слабым. Возможно, именно из-за долгой болезни его характер изменился. Но четвёртый принц всегда был почтителен к Вашему Величеству и, несомненно, понимает Ваши старания.

Взгляд императора стал пустым, и только через некоторое время он произнёс:

— Перед восшествием нового императора Мы должны оставить Цижуню «золотой билет», который спасёт его от смерти. Сая больше не должна возвращаться. Мы не можем позволить, чтобы с Цижунем снова что-то случилось.

То, что не давало императору спать по ночам, помимо неподконтрольной ему военной силы, были дворцовые тайны, произошедшие несколько лет назад.

Император Чжэньюань часто чувствовал, что не справляется с ролью правителя. Он считал, что у него нет таланта и жёсткости его предшественника. Всё, что он хотел, — это сохранить империю Ци и спокойно править как хранитель трона.

Появление Саи было подобно свежему ветру с окраин, который позволил молодому императору увидеть за пределами дворцовых стен прекрасные пейзажи.

Она была красивой и свободной, словно птица, которая по воле судьбы оказалась в золотой клетке. Она часто сидела на высокой стене, размахивая веточкой ивы и напевая пастушеские песни Тугуси. Она была самой прекрасной луной в огромном дворце, и никакие власть и богатство не могли сравниться с улыбкой в её глазах. Так она покорила сердце императора.

Ей не нужно было бороться за его внимание. Одной лишь улыбкой она заставляла императора готов отдать ей своё сердце, достать звёзды с неба и преподнести ей всю империю в качестве свадебного подарка.

Он владел империей, но не был её полновластным хозяином. Любовь императора превратилась в нож у её горла. Сая из Тугуси имела горы и долины, кнут и стада овец. Но что она имела в этой золотой клетке? Лишь любовь, которая убивала.

Эта любовь сначала убила Саю, а затем должна была убить её ребёнка. Почти год спустя после смерти Саи еда четвёртого принца отравлялась на протяжении целого года. Император был занят скорбью по умершей супруге и борьбой с честолюбивыми замыслами окружающих. Он не хотел посещать это место печали, и некогда самый любимый павильон «Юлань» стал похож на холодный дворец.

Благородная супруга Яо заявила, что четвёртый принц страдает странной болезнью, которая может заразить слуг, и приказала закрыть павильон «Юлань». Она неоднократно отговаривала императора от посещения павильона. Еда доставлялась как обычно, но вход и выход были запрещены. Странная болезнь Сяо Цижуня проявлялась в постоянной рвоте, а в тяжелых случаях — в судорогах и обмороках. Время от времени его охватывала сильная боль, заставляя его кататься по постели до пола, и даже в лютый мороз он покрывался холодным потом. В то время рядом с ним была только Цинчжи.

Цинчжи каждую ночь боялась заснуть, сидя у его постели. Даже если она ненадолго дремала, её будил звук его стучащих зубов. Простыни были разорваны в клочья.

Каждые две недели приходил врач, но он только говорил, что нужно отдыхать, и выписывал бесполезные лекарства. Цинчжи видела, что ему не становится лучше, и на его лице появился смертельный оттенок. Она упала на колени и, рыдая, умоляла врача позвать императора, говоря, что четвёртый принц умрёт, если это продолжится.

Позже Сяо Цижунь обнаружил, что проблема в еде. После каждого приёма пищи ему становилось особенно плохо, и он перестал есть то, что приносили извне. Но в павильоне «Юлань» ничего не было, и Цинчжи отдавала свои украшения охранникам, умоляя их принести немного еды. Однако все во дворце были готовы угождать сильным и унижать слабых, и каждый раз они брали её вещи и бросали ей сухие булочки и лепёшки. Принц жил хуже, чем собака.

Позже супруга Шунь ворвалась в зал Шиань и, рискуя жизнью, умоляла императора, чтобы Сяо Цижунь смог уехать из дворца, едва держась за жизнь.

Тело Сяо Цижуня действительно было сильно измучено. После отъезда из дворца он долгое

время даже не мог ходить. Его конечности были лишены чувствительности, и он не чувствовал, как кипяток обжигал его руку, оставляя волдыри. Еда была безвкусной, и даже в жаркое лето его тело было ледяным, словно он был не живым человеком. Многие врачи лечили его почти полгода, прежде чем он постепенно начал выздоравливать.

Возможно, кровь Сяо Цижуня тоже стала холодной. Врач, который лечил его, был убит по дороге домой. Его горло перерезали, и кровь брызнула на полметра. Один из охранников забрал браслет, оставленный матерью Цинчжи, и трогал её лицо и талию, прежде чем бросить ей полбулочки. Цинчжи, держа пустое запястье, долго молча плакала у его постели. Позже этот охранник был казнён за малейшую провинность.

Луна погасла, и дворцовый город оставил ему только бесчисленные ночи. В его глазах отражались золотые и величественные дворцы, но если заглянуть глубже, то каждый сантиметр крыши был усеян костями.

Лу Цяньтан несколько дней патрулировал окрестности. В последнее время поблизости появлялись только пастухи и караван, торгующий специями. Подчинённые Лу Цяньтана в свободное время разводили костёр на краю лагеря. Как раз в тот день караван остановился здесь на отдых. Хозяин каравана говорил с акцентом Сухуайя и, похоже, не узнал их форму. Он был очень дружелюбен и заговорил с ними, подарив им немного тмина, перца и трав для отпугивания насекомых.

Караван не задержался надолго, остановившись на ночь в доме местного пастуха, а на следующее утро отправился на юг.

Цинь Хуаньлин, не видя никаких изменений за эти дни, с некоторым беспокойством сказал:

— Начальник, может, нас раскрыли, когда мы подменяли запалы? Почему до сих пор ничего не происходит?

Лу Цяньтан прикрыл глаза от яркого солнечного света и ответил:

— Продолжай наблюдать. Судя по начальным действиям, они хотели сжечь наши припасы. Наш лагерь мобильный, и через некоторое время мы уйдём. Это не война...

Он вдруг замолчал и посмотрел на Цинь Хуаньлина:

— Война?

Цинь Хуаньлин поёжился и тихо сказал:

— Сяоци, не пугай меня. Нигде не видно войск... Как это может быть война?

Их лагерь находился на северо-западной границе, рядом с Тугуси. Большая часть территории была покрыта песками, с редкими зарослями камней и холмами. Пастухи чаще пасли скот у горы Цзиньци на севере. Когда поднимался сильный ветер, он покрывал людей слоем пыли. Укрытий здесь почти не было, кроме горы Цзиньци, где могли спрятаться люди, и разрозненных деревень, где жили пастухи и охотники.

Лу Цяньтан стал серьёзным:

— Проверь ещё раз местных жителей, тщательно. И караваны, которые проходили здесь в последнее время. За последний год... Нет, за последний год всё проверь. Мы здесь не как в

трёх северо-западных гарнизонах. Это глушь. Узнай, откуда они, чем занимаются, куда идут. У меня плохое предчувствие.

Цинь Хуаньлин тоже перестал шутить и последовал за ним в палатку, добавив:

— У Тугуси точно нет на это сил. Наманьцы были разбиты в конце прошлого года. Может, это они?

<http://bllate.org/book/16145/1445919>